

СЕВЕР

Геннадий ЮШКОВ
РОДОВОЙ ЗНАК
роман

Геннадий АКИНЬХОВ
ЭВАКУАЦИЯ
хроника

Алистер МАКЛИН
ОСТРОВ МЕДВЕЖИЙ
роман

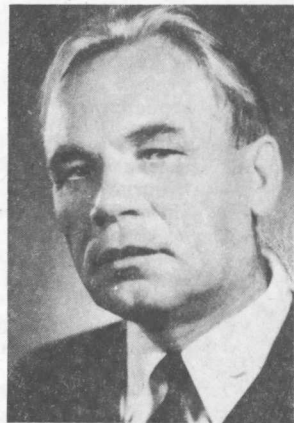
РУССКИЕ ФИЛОСОФЫ ПРОШЛОГО:
СОЛИДАРИСТЫ

1991

Эйно КАРХУ

Эйно Генрихович КАРХУ родился в 1923 году в Ленинградской области. Доктор филологических наук. Автор десяти книг и многочисленных статей по истории финской литературы, финско-русским литературным связям, литературе Советской Карелии. Член Союза писателей СССР. Лауреат Государственной премии КАСССР. Живет в Петрозаводске.

ОТКРЫТИЕ ПЕСЕН ИНГЕРМАНЛАНДИИ

Ингерманландия как песенный край была открыта наукой в середине прошлого столетия.

Это произошло около четверти века после того, как началось интенсивное собирание народных рун в Карелии, особенно в северной ее части, которую принято было называть Беломорской (по-фински *Vienu*) или Архангельской Карелией, поскольку она входила тогда в Архангельскую губернию¹.

Разница во времени весьма существенная в культурно-историческом отношении: за ту четверть века успели увидеть свет первое издание «Калевалы» (1835 г.) и лирическая антология «Кантелетар» (1840 г.) Элиаса Леннрота, а еще до того вышли фольклорные публикации С. Топелиуса-старшего и некоторых других собирателей. Все это способствовало тому, что «Архангельская Карелия» стала приобретать репутацию самобытнейшего края, главной хранильницы эпико-героических рун. Туда устремились вслед за Элиасом Леннротом другие собиратели. Между прочим, с Карелии начал свою собирательскую деятельность и Д. Э. Д. Европеус, будущий первооткрыватель песенной Ингерманландии.

Продолжая культурно-историческое сопоставление по части собирания фольклора в Карелии и Ингерманландии, необходимо подчеркнуть ряд моментов.

Во-первых, если иметь в виду финских собирателей — а именно их усилиями записывался в XIX веке и карельский, и ингерманландский

фольклор, то к середине столетия произошла смена исследовательских поколений. В Ингерманландию отправлялась собирать песни по преимуществу молодежь, студенты и магистры, — разумеется, с напутствиями старших наставников, но уже со своими взглядами и по-новому окрашенным юношеским энтузиазмом. Эволюционировали общественная жизнь и сама наука, в обоих случаях не обходилось без противоречий, в том числе между поколениями.

Во-вторых, собирательская работа в Ингерманландии, начавшись позже, чем в Карелии, с самого начала заключала в себе тенденцию закончиться раньше — в силу особых исторических условий. В той или иной форме это интуитивно осознавали уже Европеус и его современники, поэтому они с таким упорством настаивали на том, что нужно спешить. Отчасти на этой почве у Европеуса возникли конфликтные отношения с руководством Общества финской литературы (санкционировавшим и финансировавшим поездки собирателей). Показательно и то, например, что молодому А. Алквисту-Оксанену вероятный период собирания водских фольклорно-языковых материалов представлялся весьма кратким — себя он считал первым и последним собирателем. И это не было только проявлением чрезмерного юношеского самомнения (чего он тоже не был лишен), но и своего рода оценкой исторической ситуации, требовавшей действовать безотлагательно.

По сопоставительным подсчетам В. Салминена, крупного исследователя ингерманландского фольклора, в течение примерно 60 лет в Ингерманландии было записано около 15 тысяч вариантов эпических и лирических песен, заговоров и других фольклорных произведений (всего около 400 тысяч стихов) от 1200 поименно зафиксиро-

¹ Во избежание терминологических недоразумений следует учитывать, что в финском языке «*Pohjois-Karjala*» (Северная Карелия) означает нечто другое — это область на востоке Финляндии с городом Йоэнсуу в качестве губернского центра.

ванных исполнителей — в действительности исполнителей было больше, до двух тысяч, вместе с анонимными. По оценкам того же В. Салминена, общее количество собранного в Ингерманландии за указанный срок фольклорного материала превосходит то, что было собрано за столетие в Беломорской Карелии примерно от восьмисот исполнителей. В. Салминен оговаривал при этом, что из-за исторической запоздалости интенсивной собирательской работы многое из ингерманландского фольклора было навсегда утрачено. Но и количество записанного внушительно; в много-томной антологии карело-финских рун ингерманландский материал занимает девять солидных томов.

Прежде чем перейти к рассмотрению деятельности Д. Э. Д. Европеуса как собирателя и В. Салминена как исследователя ингерманландского фольклора, упомяну вкратце о более ранних эпизодах, предвалявших последующее интенсивное изучение.

Все эти эпизоды касаются фольклора води, точнее, водских свадебных песен. Самая ранняя запись водской песни принадлежит прибалтийско-немецкому пастору Фр. Трефурту; по его признанию, он не владел ни водским, ни эстонским, ни финским языками, но записал песню старательно на слух и в 1782 году опубликовал ее. Затем она не раз перепечатывалась и была известна, в частности, Х. Г. Портану. Прошло полвека, и в 1830-е годы в одном и том же пограничье с Эстонией ингерманландском приходе Каттила водские свадебные песни записывали А. И. Шёгрэн и Г. Рейн, а в 1840-е годы Э. Леннрот и венгр А. Регули. Причем, как выяснилось позднее, все они записывали от одной и той же исполнительницы, вошедшей в историю фольклористики как Анна Ивановна, без указания фамилии. От этой же выдающейся водской исполнительницы потом записывали Европеус и Алквист-Оксанен, а в 1856 году сборник водских свадебных песен в немецких переводах издал петербургский академик А. Шифнер.

В середине XIX века фольклор в Ингерманландии собирали, кроме уже упомянутых лиц, Х. А. Рейнхольм (спутник Европеуса в его первой поездке 1847 года), Я. Лянкеля, А. Тёрнероос, Т. Талквист, Ф. А. Саксбэк; в дальнейшей — А. Борениус, В. Поркка, О. Гроундстрем, В. Алава, а в начале XX века эстафету принял уже В. Салминен. Были и другие собиратели, всего ингерманландский фольклор собирали около тысячи человек.

2

Для русских читателей Д. Э. Д. Европеус (1820—1884) может быть интересен уже своими контактами с русской наукой и культурой, а также тем, что с Россией его связывали близкие родственные отношения.

Еuropeус, этот «вечный студент», был незаурядным полиглотом, свободно писавшим на пяти языках, включая русский. Почти половину его архива в рукописном отделе библиотеки «Мусевирасто» в Хельсинки составляют бумаги на русском языке, и эта часть до сих пор остается менее всего изученной — финские исследователи

только приступают к ее исследованию. К стати, владение русским языком Europeус считал обязательным для собирателя ингерманландского фольклора — слишком много было в нем русских заимствований, да и условия жизни требовали усвоения русского. Сам Europeус подолгу, целыми годами, жил в Петербурге и в других местах России, общался с русскими учеными, печатался в русских журналах и газетах, состоял членом Русского географического и археологического обществ, первое из которых в 1879 году отметило его научные заслуги серебряной медалью. Судьбе было угодно, чтобы Europeус и умер и был погребен в Петербурге (в Финляндию его прах перевезли позднее).

Хотя в имеющейся литературе о Europeусе нередки сожаления, что он недостаточно изучен, все же нельзя сказать, чтобы он был совершенно забыт. О нем писал еще Ю. Крон в 1880-е годы, затем вышли биографический очерк А. В. Форсмана (1896 г.) и исследование В. Салминена (1905 г.), а позднее работа С. Халтсонена (1957), опубликовались письма Europeуса.

И все же вышедший в 1988 году солидный сборник статей о Europeусе, включая статьи весьма представительных авторов, воспринимается как признак оживления научного интереса к нему. Причем не только как к крупному собирателю, — эта его выдающаяся роль самоочевидна и давно признана, — но и как к генератору плодотворных идей и инициатив в самых разных областях науки.

Вместе с тем упомянутый сборник озаглавлен весьма симптоматично: «Гений — или чудак-безумец?» Разговора о «безумствах» и «чуждествах» Europeуса не миновал ни один автор, есть даже специальная статья о психотипе его личности. Причем многие затрагиваемые вопросы в связи с Europeусом авторы статей оставляют пока без ответа, ссылаясь опять-таки на недостаточную изученность, хотя новая их постановка уже сама по себе полезна и интересна. Все это делает и мою задачу весьма нелегкой, но постараюсь в возможных пределах выделить главное именно с точки зрения русского читателя.

Давид Эмануэль Даниэль Europeус (русские корреспонденты обращались к нему: Давид Петрович) родился в семье пастора в Выборгской губернии, или в «старой Финляндии», как принято было называть эту часть страны, завоеванную Россией еще в первой половине XVIII века и затем «возвращенную» в 1812 году в состав Великого княжества Финляндского. Примечательно, что пастору Europeусу не были чужды филологические увлечения, после учебы в Туркуском университете он поддерживал контакты с профессором Х. Г. Портаном, посылая ему по его просьбе фольклорно-языковые материалы (в том числе по русским лексическим заимствованиям в финском языке). Познания самого Портана в русском языке были недостаточны, тогда как пастор Europeус в свое время даже преподавал этот язык, наряду с немецким и французским, в кафедральном училище в Выборге².

Младший пасторский сын Даниэль рано осиротел, но все же смог окончить выборгский не-

² См. об этом: Schybergson M. G. Henrik Gabriel Porthan, II. Helsingfors, 1911, s. 93—96.

междоязычный лицей, где преподавался также русский язык. В роду Европеусов было русское ответвление: еще в XVIII веке некоторые его представители обособились в Петербурге, кое-кто дослуживался до военных и гражданских чинов, удастаивался дворянского звания. С другой стороны, следует подчеркнуть, что у самой фамилии Европеус чисто финское и крестьянское происхождение. В самом начале XVIII столетия финский крестьянин Матти Эуряпя (из прихода того же названия) отправил своего сына учиться в университет на священника, и там ему по обычаю времени дали латинизированную, хотя и созвучную с финской фамилию Европеус.

В России дальними родственниками Даниэля Европеуса (из того же ответвления мигрантов) были два члена тайного кружка петрашевцев — братья Александр Иванович и Павел Иванович Европеусы, юные сыновья дворянина и полковника русской службы. Оба брата проходили по следственному делу кружковцев³. В России у Даниэля Европеуса жили три родных брата (двое из них офицеры русской армии) и две сестры (одна была замужем за русским полковником и жила некоторое время в Нарве, другая была учительницей в Петербурге). По меньшей мере с некоторыми из родственников Даниэль Европеус поддерживал связь, иногда гостил у них, однако жил в Петербурге самостоятельно и материально независимо, хотя и в бедности, временами в нищете. Судьба его складывалась поособому, по натуре это был бескорыстнейший труженик-фанатик, готовый ради своих научных увлечений пожертвовать всем.

Казалось бы, самой природой Европеус менее всего был создан для собирательской работы. Во многих отношениях, даже физически, он был прямой противоположностью Леннроту. Крепкий здоровьем Леннрот даже в восемьдесят лет упоминал в письмах, что регулярно ходит на лыжах и только с крутых склонов опасается спускаться. Леннрот, человек из народа, отлично знал народную жизнь и народные характеры, имел опыт общения с людьми, понимал юмор и сам любил пошутить. Европеус был физически слабым, часто болел, из-за чрезмерных нагрузок нервы его были часто переутомлены, к тому же он заикался. Разве просто было такому человеку странствовать по незнакомым селениям, общаться с людьми, входить в контакт с ними?

Но, похоже, в народной среде Европеус преобразался, иначе невозможно объяснить феноменальную результативность его работы. Он упорно занимался демократическим самовоспитанием и передвигался только пешком, отказываясь от всякого транспорта (даже будучи на научном форуме в Стокгольме, он затем отправился пешком в Осло). Из скромного своего денежного со-

держания он готов был отдать половину другим собирателям, если иначе их не могли финансировать. Он был фанатически предан делу, и этим объясняется во многом его полное равнодушие к академическим успехам в университете, он даже не удосуживался сдавать экзамены.

Некоторые современные финские исследователи высказывают предположение, что демократизмом своих убеждений и всего своего облика Европеус был отчасти обязан влиянию его русских знакомых, в особенности народнической ориентации, в том числе политических ссыльных. Как известно, Русское географическое общество, в котором вращался Европеус, являлось в тот период гнездовьем оппозиционных настроений, именно оттуда вышли некоторые петрашевцы. Сотрудничая с Русским географическим обществом, печатаясь в его изданиях, встречаясь и переписываясь с его членами, он получал оттуда не только помощь и поддержку в своих исследовательских начинаниях, но и определенные общественно-идейные импульсы. Сам он не был социальным радикалом, идеализировал фигуру Александра II (в Финляндии такая идеализация была распространена — недаром на Сенатской площади в Хельсинки до сих пор стоит памятник царю-реформатору). Однако и общение с русскими политическими ссыльными не смущало Европеуса. Из русских фольклористов и этнографов, причем более молодого поколения, чем он сам, Европеус был знаком, в частности, с Е. В. Барсовым (1836—1917), одним из выдающихся исследователей народной культуры Обонежья, собирателем плачей и первооткрывателем знаменитой Ирины Федосовой. С ним у Европеуса были общие интересы также в области археологии, они почти одновременно вели раскопки курганов на территории Лудейнопольского уезда, в районе реки Ояты. При поддержке Русского географического и императорского Археологического общества Европеус предпринял в 1870-е годы ряд экспедиций по раскопкам могильников в Тверской, Новгородской, Олонецкой губерниях и на Кольском полуострове; также в этом случае его занимала «проблема чуди» в самом широком смысле — проблема происхождения, древнего расселения и путей миграции финно-угорских народностей, их языкового родства с другими народами.

Эта же проблема, но уже с точки зрения топониимики, была главной и в переписке Европеуса с П. С. Ефименко (1835—1908), этнографом и фольклористом народнического направления, политическим ссыльным в Архангельской губернии. Это была вторая его ссылка, в первый раз он был в 1860 году сослан в Пермь за участие в оппозиционном студенческом движении. Там он продолжал проявлять свободомыслие и, между прочим, дружил с находившимся в Перми же А. И. Европеусом, бывшим петрашевцем, с которым они теперь учительствовали в местной семинарии⁴. В Архангельской губернии Ефименко служил заседателем уездного суда в Холмогорах и выполнял поручения губернского статистического комитета по составлению этнографического

³ Дело петрашевцев, I—III. М., 1937—1951. На допросах многих подследственных особое внимание было уделено эпизоду встречи-обеда кружковцев на квартире А. И. Европеуса 7 апреля 1849 года в честь Фурье. Приговоренный сначала к смертной казни, А. И. Европеус был затем помилован и отправлен служить рядовым в кавказский линейный батальон. См. также статью финского автора: Kurkinen P. Peträševskin tapaus, Suomi ja Europaekset. Kalevalaseuran vuosikirja 67, s. 88—95.

⁴ Разумова А. П. Из истории русской фольклористики. П. Н. Рыбников и П. С. Ефименко. М.—Л., 1954, с. 75—76. Судя по содержанию писем, инициатором переписки был Ефименко.

описания русского населения губернии. В рукописном фонде Европеуса хранится десять писем Ефименко к нему, относящихся к периоду 1867—1872 годов. В письме от 11 марта 1867 года Ефименко сообщил из Холмогор, что среди местного русского населения бытовали предания о чуди и что значительная часть топонимики была явно нерусского происхождения, хотя судить об этом более авторитетно могли люди, владеющие финно-угорскими языками. Именно такого человека нашел Ефименко в лице Европеуса, неутомимого энтузиаста, готового щедро потратить на собирание топонимики и труд, и время. В рукописном фонде Европеуса большое количество материалов по «чуждской» топонимике европейского Севера, собранных из разных источников: исторических документов, писцовых книг, указов, географических карт и т. д. Помогал ему в этом Ефименко, присылавший также записи преданий о чуди, разные печатные материалы (включая исходатайствованные через военное ведомство топографические карты). Часть топонимических материалов в фонде Европеуса тщательно переписана на специальные типографские бланки, озаглавленные: «Списки названий местностей и других географических предметов Олонецкой епархии», с указанием приходов и точных координат описываемых объектов. Переписка Ефименко с Европеусом — пример плодотворного научного сотрудничества во взаимной пользе. В одном из писем (от 23 ноября 1868 г.) Ефименко, между прочим, писал: «В следующий раз, когда буду сообщать продолжение списка местностей, позволю себе обратиться к Вам со многими вопросами насчет чуди, которые явились у меня при составлении для «Архангельских губернских ведомостей» статьи под названием «Заволоцкая чужь». В переписке была и человеческая сторона, со временем отношения становились дружественнее и теплее, в письмах Ефименко появились обращения типа: «Почтеннейший друг», «Добрый друг».

Как об этом свидетельствует архив Европеуса, у него были и другие русские, равно как и европейские корреспонденты, в их числе весьма именитые. В фонде есть, например, письма от известного венгерского лингвиста Йожефа Буденца (и некоторых других венгерских филологов), письмо от знаменитого полярного исследователя А. Э. Норденшельда (по происхождению финляндского шведа, некогда друга юности Европеуса).

Прочитав из архива Европеуса прелюбопытнейшее служебное письмо выдающегося русского геолога, профессора Петербургского университета А. Иностранцева Гельсингфорскому университету от 23 декабря 1880 года. Профессор-геолог на сей раз писал по вопросу археологических раскопок, которыми занимался Европеус: «В Гельсингфорский университет поступила коллекция, собранная Д. П. Европеусом на строящихся приладожских каналах в той местности, где мне пришлось открыть большое месторождение (sic!) доисторического человека каменного периода. Так как я обладаю громадным материалом, обрабатываю его в настоящее время и привлекаю к своей работе специалистов, то я решаюсь обратиться к Университету с просьбой уступить коллекцию г. Европеуса С.-Петербург-

скому университету для дальнейшей и совместной с моею коллекцией обработки. В то же время мне желательно было бы знать, на каких условиях я мог бы приобрести эту коллекцию». Неизвестен результат этого служебного обращения, хотя известно, что некоторые раскопанные материалы Европеус по причине крайней нужды уступал за плату музеям других стран — иначе у него не было бы средств для продолжения исследований. Из русских ученых старшего поколения Европеус был знаком с профессором и затем академиком Я. К. Гротом, хорошо знавшим не только русскую, но и финскую культуру, с которой он имел возможность познакомиться за десять лет преподавания в Хельсинкском университете в 1840-е годы, когда числился студентом и Европеус (он поступил в университет в 1844 г.). Грот был одним из тех, кто рекомендовал Европеуса как студента, способного к исследовательской работе.

Однако обычная студенческая жизнь кончилась для Европеуса весьма скоро. Он был зачислен в университет в феврале 1844 г., а уже весной следующего года он вместе с Э. Леннротом выехал в город Кааяни для участия в подготовке фундаментального шведско-финского словаря (который вышел двумя томами в 1852—53 гг.). Предполагалось, что Европеус наряду с технической составительской работой будет собирать народную лексику. Уже в первые свои экспедиционные выходы Европеус увлекся собиранием фольклора, тем более что Леннрот работал также над рукописью второй, расширенной редакции «Калевалы».

Навыки собирательской работы Европеус усвоил довольно быстро, причем он отнюдь не был только учеником и простым исполнителем заданий своего наставника. С самого начала у него зарождались свои идеи, желание дополнить «Калевалу» новыми, в том числе им самим собранными материалами. Со временем у него созрел принципиально новый подход к собиранию и публикации фольклора, возникли некоторые разногласия с Леннротом. Еще в период работы Леннрота над второй редакцией «Калевалы» Европеус в письмах убеждал его подождать с публикацией книги, но зато усилить собирание дополнительных материалов, особенно в Ингерманландии. В октябре 1847 года Европеус писал Леннроту из своей первой ингерманландской поездки (которую он предпринял еще вместе с Х. А. Рейнхольмом): «В Ингерманландии и в южных приходах Выборгской губернии мы обнаружили песен сверх всяких ожиданий. Только вот времени слишком мало — несоизмерно с количеством рун на калевальские сюжеты; кое-что существенное мы записали, однако же возникает острейшая потребность в дополнительных собирателях». И далее Европеус продолжал убеждать, что «Калевала» должна «непрерывно включать в себя песни Ингерманландии и Карельского перешейка, ибо они проясняют многое»⁵.

Теперь кратко о результатах. Европеус скоро приобрел репутацию полубогданного собирателя. Уже после первых его поездок по Карелии газета Ю. В. Снельмана «Друг земледельца»

⁵ Haltsonen S. Runoretki Inkeriin v. 1853, s. 8.

сообщала о нем: «Странствуя между Белым морем и Приладожьем словно между соседними селениями, он находит и это пространство слишком тесным для себя и собирается в более дальнюю дорогу». За три поездки по Карелии (1845—1846 гг.) Европеус записал около 1300 рун, более полуста плачей и другие фольклорные произведения. Но дело было не только в количестве собранного материала. Как подчеркнул со ссылкой на авторитет К. Крона В. Салминен, крупной заслугой Европеуса-собирателя является то, что своим дотошным обследованием окраинных районов он содействовал более точному определению границ фольклорно-этнических регионов. Это же относится и к трем ингерманландским поездкам Европеуса — 1847, 1848 и 1853 годов. Он отправлялся в разные районы Ингерманландии не только для записи конкретного материала, но и для общих рекогносцировочных целей. По убеждению В. Салминена, из всех финских собирателей Европеус «пускался ради песен в самые трудные странствия».

Еще путешествуя по Приладожью, Европеус и другие собиратели слышали от местных рунопевцев, что песни можно было найти также южнее, в Ингерманландии. В первую свою поездку туда он записал за три месяца около 800 рун, а заодно вынес убеждение, что Ингерманландия — богатейший песенный край. Это было важное открытие. Европеус писал Леннроту, что, хотя в Финляндии и не подозревали об этом, теперь можно было утверждать: Ингерманландия и прилегающие к ней районы Карельского перешейка и Приладожья по фольклорным богатствам не уступали северной Карелии. А его спутник Х. А. Рейнхольм ревностно уверял в своем письме Обществу финской литературы: «Нам становится все очевиднее, что вовсе не обязательно ехать куда-то в Сибирь за сведениями о древнем прошлом финского народа, пока здесь по соседству, в Ингерманландии, еще бездна необследованного. Не буду распространяться в деталях, но скажу, что одних только рун здесь хватило бы записывать с лихвой года на два. В том самом пасторате, где мы сейчас пребываем, от прислуги и работников записываем уже целую неделю, и конца пока не видно»⁶.

В первую поездку Европеус обследовал в основном северо-западную часть Ингерманландии, во вторую — южную и юго-восточную, а в третью свою поездку, осенью 1853 года, он по существу впервые открыл западную Ингерманландию как фольклорный регион с преимущественным ижорским и водским (православным) населением. Три года спустя, радуясь решению Общества финской литературы продолжить там собрание, Европеус вспомнил о собственной поездке: «На личном своем опыте я смог убедиться, что западная часть, т. е. вся полоса от Ораниенбаума до реки Нарвы, является в фольклорном отношении самой богатой в Ингерманландии. Причем важно не только то, что она находится как бы в стороне, но и то, что почти на всем побережье и в глубине территории живут православные финны, а они-то хранят больше всего песен, о чем мне доводилось слышать на месте. Ни влияние крупных городов и ничто другое не нарушало

здешней уединенности и древних обычаев. И все-таки ни один настоящий собиратель еще не побывал там, ибо и мое собственное пребывание три года назад в селениях под Нарвой ограничилось несколькими днями и явилось лишь подступом к собиранию тамошних песен»⁷. Смысл этих слов в том, что нужно было собирать, собирать и собирать.

За все свои семь поездок в Карелию и Ингерманландию Европеус записал около 2500 рун (более 50000 стихов) — это больше, чем собрал Леннрот за свои одиннадцать поездок.

Еuropeус решительно настаивал на интенсификации собирательской работы, особенно в Ингерманландии, которой Общество финской литературы, по его мнению, не уделяло достаточного внимания. Это послужило одной из причин возникновения конфликтных отношений. У Европеуса не сложились отношения с секретарем общества С. Г. Эльмгреном, считавшим Европеуса не столько национально-финским патриотом-фенноманом, сколько «русифилом». Собственно, и Ингерманландия в ту пору оставалась для таких людей, как Эльмгрен, чисто русской провинцией, не более чем пригородом Петербурга, не представлявшим в культурно-этническом отношении для финнов якобы никакого интереса.

В связи с этим, чтобы было понятным дальнейшее изложение, необходимо иметь в виду следующий культурно-исторический нюанс. Исследователи финской культуры считают, что исторически сложились два ее типа: условно говоря, западнофинский и восточнофинский (более поздние терминологические варианты: «новофенноманский» и «старофинский» — вспомним о «старой Финляндии»). Европеус, как мы помним, вырос в культурной атмосфере именно «старой Финляндии», более открытой в сторону востока для русских и вообще инонациональных культурных влияний. В финском восприятии Выборг оставался своего рода очагом культурного космополитизма, там была этническая пестрота, наряду с финнами и шведами жили еще немцы и русские; там были многоязычные учебные заведения, скрещивались разные влияния, культуры легче сблизались и интернационализировались.

В «новофенноманском» же национально-культурном движении, как оно оформилось в XIX веке (его центрами были сначала Турку, затем Хельсинки), к восточным влияниям наблюдалось более сдержанное отношение. В связи с европейскими революциями 1840-х годов царизм ужесточил цензуру в Финляндии, были запрещены газеты, а в 1850 году был введен цензурный устав, запрещавший печатать на финском языке все, кроме религиозных и хозяйственных книг. Разумеется, все это вызывало недовольство и протесты, особенно со стороны студенчества. Протестовал и Европеус, он ведь был одним из тех, кто основал в 1847 году финноязычную газету «Суометар».

Но национализма Европеус тем не менее сторонился, равно как не одобрял он и сторонников идеи скандинавизма, идеи присоединения Финляндии к федерации скандинавских стран, — в этом случае, с его точки зрения, тоже проявля-

⁷ Salminen V. D.E.D. *Europaes*, Helsinki, 1905, s. 195.

⁶ Haltsonen S. *Runoretki Inkeriin v. 1853*, s. 8.

лась односторонняя западная ориентация, негативное отношение к России. Европеус не видел ничего плохого в том, что финские студенты-стипендиаты отправлялись учиться в Петербург либо Москву, а молодые финские ученые сотрудничали с русской наукой. В качестве «русофила» Европеус на себе испытал некоторую отчужденность со стороны прежних финских друзей и знакомых, с иными из них (например, с А. Алквистом) дело дошло до открытых ссор. У Европеуса складывалось впечатление, что печатали его в Финляндии без особой охоты и что Общество финской литературы относилось к нему с явным предубеждением. Биографы Европеуса даже считают, что в России он был более известен, чем в Финляндии. Сам Европеус подумывал о том, чтобы навсегда остаться в Петербурге и продолжать там свои исследования. Можно сказать, что у него были обиды, но не было чувства ущербности. Еще в полемическом письме к Эльмгрену он с достоинством заявил, что по отношению к России не испытывал «ни подобострастия, ни страха, ни желания становиться ей поперек дороги». Узкобойный националистический «местный патриотизм» (шведск. *vinkelpatriotismen*) Европеус приравнивал к средневековому религиозному фанатизму.

Национальные отношения уже тогда отбрасывали тень на многое, в том числе на науку, вплоть до отвлеченнейших ее гипотез. Например, некоторые лингвисты придерживались в ту пору теории древнего родства финно-угорских и тюркских языков, — Европеус, не без влияния национальных споров, стремился доказать языковое родство финно-угров с индоевропейцами и через это со славянами.

Что касается разногласий Европеуса с Леннротом, то они возникали на совершенно иной почве. К национализму Леннрот не был причастен, к тому же с Европеусом у него были не только разногласия, но прежде всего сотрудничество. Все собранные фольклорные материалы Европеус немедленно высылал Леннроту для возможного использования во второй редакции «Калевалы». В предисловии к ней Леннрот особо отметил заслуги Европеуса в числе других собирателей — ведь, как выяснилось потом, более половины дополнительного объема второй редакции (по сравнению с первой) опиралось на собранные Европеусом фольклорные материалы (карельские и ингерманландские). Крупнейшим его вкладом в новую «Калевалу» стало открытие рун, составивших в ней целостный цикл о трагической судьбе раба-бунтаря Куллерво. Как писал впоследствии об образе Куллерво академик М. Хаавио, «подлинным его первооткрывателем был Европеус, и родиной Куллерво была Ингерманландия, трагический край». На надгробии Европеуса высечены слова: «Первооткрывателю рун о Куллерво».

У Леннрота и Европеуса были, однако, во многом разные взгляды на фольклор и способы его публикации. Соображения и советы молодого Европеуса Леннрот отчасти учитывал, но отчасти и отклонял как неприемлемые. Например, Европеус считал, что во второй редакции «Калевалы» слишком много места занимали заклинания и что это излишне замедляло эпическое повествование. Леннрот с этим не соглашался и оправдывал

обилие заклинаний особенностями древнего мышления, верой людей в магическую силу слова. Леннрот даже добавил в «Калевалу» заклинаний — всего их во второй редакции более пятидесяти. Аналогично обосновывал Леннрот и обильное включение во вторую редакцию свадебной лирики — ведь свадебный цикл был, по его убеждению, весьма важным и красочным событием в однообразной сельской жизни.

Некоторые из наметившихся разногласий носили более принципиальный методологический характер, особенно если учитывать последующее развитие фольклористической науки. Видимо, наука вообще не может развиваться вне противоречий и споров, и главная суть здесь не в поисках каждый раз правых и виноватых, а в постижении самой эволюции науки.

Когда второе издание «Калевалы» вышло в свет, Европеусу хотелось выступить в печати с критической ее оценкой. В частных письмах к знакомым он судил о второй редакции довольно строго, даже резко; но совсем другое дело публичное выступление, тут требовалась деликатность. Сознывая огромные заслуги и авторитет Леннрота, Европеус не мог даже надеяться на публикацию своей статьи в Финляндии и потому попытался пристроить ее сначала в норвежской, затем в шведской газете, но в обоих случаях безуспешно. Только гораздо позже рукопись статьи была обнаружена В. Салминым, ее цитировали печатно в отрывках, а в 1988 году она была наконец-таки полностью опубликована в упомянутом томе ежегодника «Калеваласеура».

Критическая оценка второй редакции Европеусом сводилась к следующему. Как и некоторые другие современники, он считал, что вторая редакция «Калевалы» в гораздо большей степени, чем первая, отходила от собственно народного эпического стиля. То композиционное единство, которое придал разнообразному фольклорному материалу Леннрот, исходило не от самого материала, а от составителя. Хотя Европеус и сам не порывал до конца с распространенным представлением о былом сюжетном единстве рун в собственно народном бытовании, но это должно было быть обнаруженное именно в самих народных рунах единство, а не извне привнесенное. Руны следовало публиковать строго в том виде, в каком они исполнялись певцами, а в задачу публикатора входило их отбор и расположение. Побочные варианты основных сюжетов могли печататься в приложении. Для этого необходимо было предварительно провести тщательнейшую собирательскую работу, охватывающую все регионы.

Далее приведу из статьи-рецензии Европеуса цитату, чрезвычайно важную в методологическом отношении: «Может оказаться, — рассуждал Европеус, — что не все руны поются в народе повсюду в полном виде; в одной местности может отсутствовать одно, в другой — другое. В этом случае можно применить наряду с географическим принципом отбора также исторический принцип, избегая при этом нагромождения в одну кучу всех возможных вариантов и вклинивания в целое таких отрывков, которые не имеют к целому отношения»⁸.

⁸ D. E. D. Europaeus — *suurmies vai kummajainen*, Helsinki, 1988, s. 190.

Такая постановка вопроса даже терминологически предвосхищала по меньшей мере на три-четыре десятилетия географо-исторический метод будущей «финской школы» фольклористики. Упор Европеуса на максимально исчерпывающее собрание полевого материала по географическим регионам также стал со временем одним из главных принципов упомянутой школы.

Далее, во взглядах и устремлениях Европеуса уже осязимо проявлялась идея **комплексного собрания фольклорных произведений всех жанров**, не только эпики. Он настойчиво внушал эту идею всем другим собирателям. Вот как Х. А. Рейнхольм, по поручению заболевшего тогда Европеуса, излагал в записке Обществу финской литературы цели их будущей поездки (1847 года): помимо эпических рун, они намеревались записывать лирические песни, поговорки и загадки, заклинания, легенды, плачи; вдобавок они хотели описывать народные обычаи, игры, танцы, делать нотные записи мелодий, собирать предметы утвари и одежды для музейного хранения.

Все это, по справедливому признанию последующих фольклористов, означало весьма существенный поворотный пункт в постановке и организации собирательской работы. Для самого Европеуса главной была не теория метода, а прагматика: нужно было срочно спасти ценности народной культуры. И действительно, многое из собранного в его время потом уже не могло быть собрано. Европеус едва ли не первым из финских фольклористов выдвинул идею создания сети добровольных собирателей-любителей, и это его предложение (Обществу финской литературы) тоже носило экстренный прагматический характер.

И другая задача — публикация. Европеус был убежден, что развитие фольклористики неизбежно потребует широкой публикации собственно народных вариантов рун. В его призывах можно уловить и социальные нотки. Демократически настроенный Европеус по-своему отставал подлинную поэзию самого народа. Это не значит, что Леннрот не был демократом и что «Калевалы» не народна. Однако же Леннрот решал иные общественные задачи, и Европеус не мог не понимать этого. Верно замечено, что, несмотря на разногласия, открытые ссор между ними не было, отношения оставались в пределах корректности. И с изданием второй редакции «Калевалы» Леннрот не мог медлить, ибо существовала опасность, что со вступлением в силу варварского цензурного устава ее вообще нельзя будет издать. Леннрот понимал это и торопился. Он писал тогда: «Чтобы поработать, пока еще светло, и воспрепятствовать наступлению мрака, когда никто работать уже не сможет, я предпринял издание новой редакции рун «Калевалы»⁹.

3

Если Европеус известен прежде всего как выдающийся собиратель фольклора — недаром его называют собирателем-подвижником, собирателем милостью божией, то Вяйне Салминен

(1880—1947) был крупным и, пожалуй, основным исследователем фольклора Ингерманландии, свой путь в науке посвятившим почти исключительно его изучению.

В. Салминену принадлежат труды по ижорскому свадебному обряду и свадебной лирике западной Ингерманландии (это была тема его докторской диссертации, опубликованной в 1917 году), по фольклору води; он же составил поименные справочники по всем ингерманландским и южнокарельским исполнителям-рунопевцам. Можно сказать, песенная Ингерманландия была первой и едва ли не единственной любовью Салминена, он относился к ней ревниво и бережно, восторгался ее неувыдающей поэтической красотой. Именно с Ингерманландии начал он обзор фольклорных регионов в своей «Истории финских эпических рун» (1934). Даже в этой работе, написанной уже в зрелом возрасте, он не упустил случая с обидой упрекнуть Шёгрена и Леннрота в том, что те, побывав в одном из ингерманландских приходов и записав кое-что из водских свадебных песен, не проявили к Ингерманландии более почтительного внимания.

Исследовательский талант В. Салминена проявился уже в ранних его работах, в том числе в упоминавшемся его очерке о Европеусе. Формально это была еще студенческая учебная работа (так называемая «laudaturtyö»), необходимая для получения диплома с отличием. Но в действительности это было нечто большее. Очерк и сейчас привлекает не только юношеской страстностью, но и пронизательностью авторского взгляда, умением видеть проблемы в исторической перспективе. За академическим «дилетантизмом» и недостаточной профессиональной компетентностью Европеуса в слишком многочисленных областях науки, за его «рюдбековскими» фантазиями (по имени Олауса Рюдбека, историка эпохи шведского великодержавия) о мифическом прошлом финно-угорских народностей Салминен разглядел и нечто положительное: в области лингвистики Европеус едва ли не первый в Финляндии заговорил о пользе сравнительного языкознания, выдвигал исторический подход к изучению лексических заимствований, у него были ценные мысли по фонетике финского языка. Европеус не был достаточным профессионалом в области археологии, и все-таки он был пионером комплексного изучения древних эпох, объединяющего и языкознание, и топонимику, и археологию. В нем зрели весьма перспективные общие идеи — от национально-культурных до пацифистско-интернационалистских.

Более того, в работах самого В. Салминена осязательно определенная преемственность с мыслями Европеуса, а вместе с тем в них запечатлелся новый этап развития науки. Разумеется, и в книгах Салминена более чем полустовековой давности кое-что уже устарело, но многие поставленные в них проблемы и сегодня сохраняют актуальность. Признаться, для меня в процессе написания данной статьи некоторые идеи Салминена явились хорошим стимулирующим импульсом, знакомство с ними заставляло думать и вместе с тем делало ненужным повторное «изобретение велосипеда». Аналогичную роль, насколько могу судить, они играют и для некоторых современных финских исследователей, независимо от

⁹ Salminen V. D.E.D. Europaesus, s. 90.

того, упоминается ли при этом имя Салминена или только подразумевается.

По натуре Салминен был весьма темпераментным полемистом и вопросы ставил до резкости четко, что называется, без формальных околичностей, и ответы предлагал со столь же резкой категоричностью, обычно не принятой в фольклористике, где о многом говорится с большой долей гипотетичности.

Из вопросов, поставленных Салминеном, меня будут в особенности привлекать следующие.

Каким образом фольклор Ингерманландии смог вообще исторически сохраниться даже в XIX веке под боком у огромного современного города?

Почему руны в Ингерманландии исполнялись преимущественно женщинами, а не мужчинами, как принято было в северной Карелии? (Салминен подсчитал, что примерно из 1200 зафиксированных ингерманландских исполнителей мужчин было около ста, причем репертуар их был сравнительно ограниченным, исполнение фрагментарным и зачастую с ироническим отношением самого певца к исполняемому.)

Как влиял процесс «феминизации» фольклорной традиции на сам стиль исполнения, на жанровые изменения, на соотношение жанров? Например, с какой совокупностью фактов было связано постепенное вытеснение эпики лирикой?

По убеждению В. Салминена, сохранению фольклорной традиции в Ингерманландии способствовала относительная устойчивость местной народной жизни. Во-первых, крепостничество сдерживало процессы миграции и смешения этнических групп. Во-вторых, ижора и водь, самые древние аборигены, оставались православными, а православная церковь не столь ревностно опекала свою паству по сравнению с лютеранской; на практике первая была более веротерпима и меньше контактировала с населением. С другой стороны, многие собиратели отмечали, что вблизи лютеранских пасторатов «языческие» руны уже вовсе не пелись.

О влиянии лютеранской церкви на свадебные обряды финнов-савакот и зурямейсет В. Салминен выразил весьма однозначно: «Там, где к свадьбе стали причастны церковь и священники, свадебные песни умирают»¹⁰. Он ссылаясь также на долгое отсутствие в Ингерманландии книжной культуры в качестве фактора, объясняющего относительную живучесть устной традиции.

Напротив, ее постепенному и поэтапному угасанию способствовали другого рода общественные процессы и изменения народной жизни. Фольклорно-эпическая традиция «феминизировалась» и решительно видоизменялась, потому что мужчины чаще женщин соприкасались с совершенно иной средой (включая городскую), отлучались на промыслы и отчасти уже отдалялись от замкнутого деревенского быта.

«Тот, кто хотя бы раз в молодые годы побывал в городе, вкусил его шума и суеты, наслушался совсем иных песен,— писал В. Салминен,— тот уже начинал отвыкать от спокойной размеренно-

сти старинных рун, созданных для неторопливого патриархального быта»¹¹.

Но когда же произошли решительные изменения в ингерманландской фольклорной традиции? Те женщины-исполнительницы, от которых еще были записаны эпико-героические руны, продолжал рассуждать Салминен, должны были усвоить их все же от певцов-мужчин. Это произошло, по Салминену, в их детстве, то есть «феминизация» эпической традиции не могла быть древним явлением. Ибо трудно было даже представить себе, чтобы, например, «чуждые женской психологии» сюжеты о подвигах и похождениях Лемминкяйнена-Каукомели входили в репертуар исполнительниц-женщин уже в течение многих поколений. По мнению В. Салминена, еще в XVII—XVIII веках, особенно у ижоры и водь, эпико-героические руны входили в репертуар исполнителей-мужчин по преимуществу. Но в XIX веке «феминизация» традиции стала в Ингерманландии почти завершившимся процессом. После отмены крепостного права условия бытования традиционных фольклорных жанров существенно изменились.

Обобщая, подчеркну: в работах В. Салминена выдвигался подход к изучению фольклорной традиции, в котором сочетались элементы сравнительно-исторического и «регионалистского» метода. Это был в гораздо большей степени социологизированный и «историзированный» метод, чем метод К. Крона, с которым Салминен постоянно полемизировал, выявляя его уязвимые стороны. Вместо кроновских сюжетно-миграционных схем, по существу лишавших Карелию и Ингерманландию их собственной, регионально-самобытной фольклорной традиции, Салминен доказывал, что у каждой этнической группы была своя местная традиция со своими особенностями и своей историей. Даже при общей древней генетической основе и при последующих межнациональных связях и влияниях, фольклорная традиция каждой родственной народности все же до некоторой степени самобытна регионально и исторически. Конечно, могли быть межэтнические заимствования, но и они становились возможными при определенных исторических условиях, исходя из развития данной этнической группы. По наблюдениям Салминена, например, свадебный обряд у водь и у финского населения мог в чем-то отличаться, хотя те и другие жили в тесном соседстве, подчас в одной деревне.

Такой регионально-дифференцированный исторический взгляд исключал сведение роли того или иного региона, той или иной этнической группы лишь к механическому заимствованиям, либо к столь же механическому «посредничеству» в миграции сюжетов.

Примечательно, что характеристики Ингерманландии и Карелии в качестве самостоятельных фольклорных регионов имели у Салминена весьма разные акценты. В Карелии, особенно в северных ее регионах, историческое развитие протекло во многом иначе, чем в Ингерманландии; на иной общественной ступени оставалась народная жизнь — и в материально-хозяйственном, и в ду-

¹⁰ Salminen V. Länsi-Inkerin häärinot. Synty- ja kehityshistoriaa. Helsinki, 1917, s. 420.

¹¹ Salminen V. Suomalaisen muinaisrunojen historia. Helsinki, 1934, s. 46.

ховном отношении. Салминен ссылался на выразительное описание одного путешественника, наблюдавшего народный быт в северной Карелии. Редкая заселенность, большие расстояния между селениями, неразвитость земледелия, преимущественные занятия жителей охотой и рыболовством — все это были признаки того, что аграрное общество еще не вполне сложилось. И это сказывалось на региональной специфике местной фольклорной традиции. В Ингерманландии многое было уже иначе, на иной ступени социально-культурного развития.

Совершенно естественно, что вышеприведенных плодотворных идей не может обойти и современная финская фольклористика, они так или иначе усвоены ею и зачастую повторяются без упоминания имени тех, кто их впервые высказал. Они стали общим достоянием. Во всяком случае, в том, как современная финская фольклористка Лэа Виртанен в своей обобщающей работе «Финский фольклор» (1988)¹² характеризует

фольклорные регионы, несомненно проявляется преемственность с идеями В. Салминена. В упомянутой работе сопоставительно-региональный подход приобретает даже более широкий масштаб и «двухступенчатость»: фольклорные регионы подразделяются на две группы — северную и южную; к первой относится северная и средняя Карелия, Приладожье; ко второй — Карельский перешеек, Ингерманландия и Эстония. В рамках этой двухступенчатости затем рассматриваются региональная специфика исполнения, трансформации сюжетов и т. д. Регионализм фольклорной традиции фигурирует в современной науке и как одна из актуальных теоретических проблем, о чем уже упоминалось в предыдущей моей статье в связи с выступлением Л. Хонко на эту тему («Север» № 8, 1990 г.)

В отношении ингерманландского фольклора многое станет более зримым при сопоставительном анализе конкретного поэтического материала, и это — задача моей следующей статьи.

¹² Virtanen L. Suomalainen kansanperinne. Helsinki, 1988. См. также ее выступление на конференции финляндско-скандинавских фольклористов: Virtanen L. Commentary. — Trends in Nordic Tradition Research. Helsinki, 1983, p. 191—196.

Вниманию читателей

По всем вопросам подписки и доставки журнала следует обращаться только в местные отделения связи и агентства «Союзпечати».

Главный редактор О. Н. ТИХОНОВ

Редакционная коллегия: Д. М. БАЛАШОВ, В. И. БЕЛОВ, А. А. БОЛОГОВ, К. В. ГНЕТНЕВ (зам. гл. редактора), Д. Я. ГУСАРОВ, Ю. И. ДЮЖЕВ, Н. А. ЖУРАВЛЕВ, В. П. КРЫЛОВ, О. Д. ЛЕОНОВ, П. Р. ЛЕОНТЬЕВ, Г. В. МАЛЫШЕВ, В. С. МАСЛОВ, О. И. МИШИН, С. А. ПАНКРАТОВ, И. К. РОГОЩЕНКОВ, А. А. РОМАНОВ, Б. С. РОМАНОВ, В. В. СЕРГИН, А. П. СУРЖКО, В. Л. ТИМОФЕЕВ, В. Л. ШИРИКОВ, Г. А. ЮШКОВ.

Ответственный секретарь А. В. ДОРОГАН

Техн. редактор В. Н. КУРИННАЯ

Корректоры Н. Д. ГУСАРОВА, Л. А. ШАНАНИНА

Адрес редакции: 185670, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, 13. Телефоны: 7-47-36 (гл. редактор), 7-47-37 (зам. гл. ред., отдел критики), 7-94-94 (отв. секретарь, отдел прозы), 7-48-05 (отдел публицистики и поэзии).

Сдано в набор 11.04.91. Подписано к печати 07.05.91. Формат 70×100¹/₁₆. Бумага типографская № 2. Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,65 вкл. Усл. кр.-отт. 14,3. Уч.-изд. л. 21,29. Уч.-изд. л. вкл. 0,63. Тираж 20 000. Заказ 1060. Изд. № 32. Цена 1 руб. 25 коп.

Издательство «Карелия», 185610, Петрозаводск, пл. Ленина, 1, Республиканская ордена «Знак Почета» типография им. П. Ф. Анохина Государственного комитета Карельской АССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, 185630, г. Петрозаводск, ул. «Правды», 4.